

DOI: 10.12731/2218-7405-2017-12-111-123
УДК 316.624.3

МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ РИСКА СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Черепанова М.И., Эбелинг Э.О.

Официальные статистические показатели завершенных суицидов в той или иной территории России являются значимым индикатором комплексного неблагополучия жизнедеятельности населения. Следовательно, минимизация суицидального риска, формирование анти суицидальных барьеров будет оптимизировать экономическое, психологическое, моральное состояние социума в данном регионе.

На современном этапе развития социологического дискурса происходит становление идей о системном анализе риска суицидального поведения населения всех возрастов, особенно молодежи, так как для всего мирового сообщества характерно такое явление, как реювенация аутоагрессии, на крайнем полюсе которого, находится суицид.

В данной статье проанализированы результаты многолетнего мониторинга по оценке суицидального риска. Представлен регрессионный анализ полученных данных, как инструмент позволяющий оценить наиболее вероятные индикаторы, стимулирующие риск самоубийства молодого населения региона.

Показано, что системным фактором суицидального риска является региональное уникальное сочетание неблагополучных социальных, экономических и поведенческих особенностей молодежи, которые стимулируют опасное рискованное поведение.

Ключевые слова: *суицид; суицидальный риск; модель регрессии; регрессионный анализ; регион.*

MODEL OF SOCIAL RISK FACTORS FOR SUICIDAL BEHAVIOR AMONG YOUTH FROM THE ALTAI TERRITORY

Cherepanova M.I., Ebeling E.O.

The level of suicides in the region is a complex indicator of social well-being, and its reduction is important for optimizing the socio-economic, psychological, moral state of society.

In modern sociology of suicides, a comprehensive assessment of the suicide risk of young people has not been presented to date, which necessitated the need for the study presented in the article.

The obtained empirical data of the sociological research, as well as the results of the regression analysis of the indicators, represent the basic determinants of the suicide risk of youth in the Altai square. Economic, social, and psychological factors determining the growth of suicides in the region are analyzed.

Keywords: *suicide; suicidal risk; regression model; regression analysis; region.*

Анализ исследования в области детерминации суицидального поведения, позволяет сделать вывод о преобладании социальной обусловленности данного явления. В связи с этим в данной статье представлены результаты мониторинговых исследований факторов риска формирования аутоагрессивного поведения среди молодежи Алтайского края. Данный регион в течение последних 10 лет отличается высоким уровнем суицидальной активности населения разного возраста, в том числе молодежи [5]. Кроме того, для всего российского общества характерна тенденция к реювенации данной социальной девиации [3].

Представленное в статье исследование посвящено оценке и анализу воспроизводственных механизмов суицидального риска, разработке математической модели выявления глубины и интенсивности угрозы суицидального поведения молодого населения региона. В

исследовании представлена молодежь от 14 до 30 лет ($n=295$). Выборка квотная, квоты представляют структуру молодежи Алтайского края по возрасту и полу. Кроме того, проанализированная группа молодежи репрезентирует генеральную совокупность молодежи Алтайского края по уровню образования, социальному положению (студент, школьник).

Преобладающая совокупность молодежи на момент обследования характеризовала свою семью, как благоприятную и полную, однако, каждый пятый молодой человек отметил, что проживает в неполной семье, как правило, его воспитывает одна мать.

Из научной литературы в области суицидологии доказано, что религиозность молодого человека, его принадлежность к христианству и другим конфессиям, кроме буддизма является выраженным антисуицидальным барьером. В данном контексте, важно указать, что 80% молодежи акцентировали разную степень своей приверженности к православной вере. Однако 20% респондентов выразили свое неприятие религии, а значит, отсутствует данный мировоззренческий антисуицидальный фактор.

В исследовании была представлена молодежь разного социального статуса, а именно молодежь, работающая в госбюджетной сфере, в коммерческом секторе, а также обучающаяся в школах и вузах края.

Согласно данным современных, социологических исследований, существует социально-экономическая обусловленность рискованного суицидального поведения молодежи [7]. В связи с этим отметим, что только четверть опрошенных респондентов выразили уверенность в своем профессиональном положении, а значит и завтрашнем дне, констатировала некоторую относительную стабильность своей жизни. Подавляющее большинство молодых людей отметили разную степень озабоченности и тревоги в отношении своего профессионального будущего, ощущение нестабильности и неустойчивости, значительную вероятность столкнуться с безработицей в ближайшее время.

Кроме того, это усиливается существующим в настоящее время дискриминационным отношением к молодым специалистам на региональном рынке труда.

Феномен безработицы, особенно скрытой, стагнирующей, выявил наибольшую корреляцию с риском суицидального поведения по оценкам участников исследования. Не работающая и не учащаяся нигде молодежь рискует в данном случае больше всего [2]. Каждый третий безработный респондент, указал, что находится в данной ситуации от двух месяцев до полугода и более.

Уровень социального благополучия подрастающего поколения является индикатором экономического положения региона в целом, который относится к депрессивным, дотационным, имеющим один из самых низких уровней жизни среди других субъектов РФ [6]. Данное положение подтверждает тот факт, что от 20 до 50% молодых людей констатируют свое положение в жизни, как неудовлетворительное по тем или иным социально-значимым аспектам достойной жизни. Выявленное явление, в полной мере можно назвать социальной фрустрацией, характеризующееся высоким субъективным уровнем несовпадения желаемого, достойного и имеющегося уровня жизни.

Таким образом, экономическая составляющая социального благополучия молодого населения региона формирует ощущение неуверенности в завтрашнем дне, постоянную тревогу в отношении своих потенциальных возможностей в обеспечении себя и своей молодой семьи.

Кроме того, высокий уровень молодежной безработицы в регионе, не востребованность или низкая востребованность на региональном рынке труда, полученных профессий формирует рискованную социальную среду, благоприятную для разнообразных девиаций, в том числе аутоагрессии и суицида.

По данным суицидологических исследований, ощущение социальной несправедливости, связанной с резкой дифференциацией материальных доходов может быть значимой детерминантой суицидального риска, особенно характерной для молодежных когорт населения, отличающихся особым максимализмом, характерным, для их возраста [4].

Согласно данным нашего социологического исследования, каждый второй опрошиваемый оценивает свой доход как значительно

более низкий, чем у других. Данный факт усиливается амбивалентным стремлением молодого человека к высокому уровню притязаний и амбиций, потребительских стандартов, с одной стороны, и с недостаточным желанием долго и упорно реализовать свои цели в этом направлении, что можно трактовать как наличие внутреннего конфликта между модусом «иметь» и «быть». Другая, также дезадаптивная стратегия характерна для другой трети респондентов, которые проявляют высокий уровень инфантилизма и иждивенчества в контексте самостоятельного решения своих материальных проблем.

Феномен социального благополучия является многокомпонентным, системным явлением, однако наиболее значимым из них можно назвать такой результирующий компонент, как удовлетворенность жизнью в целом. Данный аспект включает в себя множество значимых микро социальных, психологических детерминант, таких, как удовлетворенность ближайшим социальным окружением; любовь, самоотношение и пр. Низкий уровень удовлетворенности данными аспектами снижает уровень интегрального благополучия в целом.

Отметим наиболее важные социальные ценности молодежи для достойной жизни. Так большинство респондентов на первое место поставили ценность здоровья (более 80%). Семья оказалась значима для 70% опрошенных людей. Высокий уровень материальной жизни, достатка акцентировали более половины молодежи (65%). Настораживающим фактом является то, что образование ценит лишь каждый второй респондент (57%), что свидетельствует о девальвации образования, разочаровании в значимости его для реализации достойной жизни. Менее половины респондентов ценят любовь и дружбу (40% и 32% соответственно), что в целом отражает тенденцию к усилению индивидуализации в современном мире. Лишь каждый десятый респондент считает значимыми культурное развитие личности; честность и порядочность. Такие ценности как «духовность», «ощущение своей необходимости, нужности», «уважение окружающих людей» – оценили как важные только 5% опрошенных молодых людей.

Незначительное количество респондентов акцентировали значимость личной безопасности; гордости за свою страну, гражданской

активности, возможности реализовать свои права, ценность религии и пр. Между тем, именно подобные духовные ценности, получившие столь низкий ранг, могли бы стать противоядием разнообразным девиациям, в частности агрессии, аутоагрессии и суициду. Подобное распределение ценностей для респондентов может характеризовать как высокий аномийный потенциал жизнедеятельности в регионе.

Полученные в исследовании результаты свидетельствуют о наличии у значительного количества респондентов внутреннего противоречия между значимостью базовых ценностей и низкими потенциалами их удовлетворения одобряемым способом. Данное явление является основой социальной фрустрации, молодежь не всегда и не во всем чувствует себя достойным социальным субъектом в условиях жизнедеятельности, в особенности в условиях проживания в небольшом провинциальном регионе, таком как Алтайский край.

Согласно социологическим исследованиям, низкая степень социальной интеграции, о чем свидетельствует низкий рейтинг ценностей, связанных с уважением, собственной необходимостью для других, а также моральная девальвация, которая выражается не высокой значимостью таких ценностей, как духовность, религиозность, порядочность, являются мощными генераторами условий для реализации суицидов, несмотря на уровень экономического развития региона и отсутствие каких-либо психических патологий [8].

Одним из базовых условий благоприятной жизнедеятельности молодежи в регионе является уровень ощущения ее социальной безопасности. В исследовании выявлена характерная тенденция существования прямой корреляции между снижением уровня ощущения безопасности в обществе и самооенок социально-экономических статусов молодых людей. Сниженный уровень личной безопасности молодежи в регионе, обусловленный как объективными условиями его развития, в частности, приграничным характером, отдаленностью от центра, так и субъективная неудовлетворенность характерны для 18% респондентов.

Готовность реализовать рисковое поведение характерно для 80% молодежи. Риск является сущностной чертой данного возраста. При

всей неоднозначной специфике данного явления, необходимо заметить, что оно снижает само охранительные резервы молодых людей, в частности значимость здоровья, здорового образа жизни и пр.

Каждый четвертый молодой респондент констатирует негативное оценочное отношение к своей жизни («моя реальная жизнь часто невыносима»). Данный показатель является математически доказанным и стимулирующим аутоагрессию, как демонстративного, так и реального уровня. Указанные когорты молодежи отличаются высоким уровнем допустимости нанесения себе повреждений разной степени интенсивности.

Для описания социально-значимых, математически достоверных факторов, которые стимулируют суицидальный риск у молодежи, представим результаты регрессионного анализа показателей. В качестве зависимой была выбрана переменная, связанная с готовность совершить суицид. Независимыми показателями, явились социальные, экономические, мировоззренческие, экзистенциальные переменные, которые в целом описывают специфику существования молодежи в условиях Алтайского края.

Таблица 1.

Модель социальных факторов риска суицидального поведения молодежи Алтайского края (R-(R-квадрат Кокса и Снелла) – коэффициент разницы в распространенности; В-коэффициент взаимовлияния переменных; р-уровень значимости.; Exp(B)-количественное выражение шанса попасть в группу риска)

Переменная	Регрессионный анализ			
	R	B	p	Exp(B)
Социально-демографические показатели				
Место жительства город	0,25	2,1	0,10	0,3
Отношение к религии (скорее неверующий)	0,28	0,409	0,004	0,5
Оценка своего социально-экономического статуса				
Я чувствую неуверенность в завтрашнем дне	0,67	0,78	0,11	0,7
Я достоин более высокого социального положения	0,67	0,74	0,15	0,2

Окончание табл. 1.

Оценка своего дохода значительно ниже, чем у других	0,03	0,01	0,000	0,1
Неудовлетворенность жилищными условиями	0,2	0,35	0,14	0,4
Ценность материального достатка для нормальной, достойной жизни	0,5	0,3	0,05	0,4
Социально-психологическое самочувствие (в контексте латентной суицидальности)				
Удовлетворенность жизнью в целом	0,2	0,4	0,12	0,6
Социальное настроение (пессимизм)	0,16	0,15	0,2	0,1
Удовлетворенность супружескими отношениями	0,5	0,5	0,2	0,1
Неудовлетворенность самим собой	0,5	0,5	0,3	0,6
Настоящая жизнь часто невыносима	0,34	0,11	0,09	0,4
Не нужно жить при любых некоторых обстоятельствах	0,41	0,11	0,09	0,6
Наличие смысла определяет ценность жизни	0,28	0,11	0,04	0,1
Низкая ценность здоровья	0,78	0,3	0,05	0,4
Несчастные случаи, травмы	0,3	0,77	0,13	0,2
Толерантность к девиациям				
Гомосексуальные связи	0,11	0,3	0,19	0,1
Нанесение себе повреждений ради идеи, удовольствия	0,21	0,3	0,05	0,1
Половая связь, о которой жалели на следующий день	1,6	0,3	0,15	0,2
Половая связь по принуждению	2,7	0,3	0,008	0,2
Алкоголизм	0,7	0,3	0,07	0,2
Проблемы алкоголизма у близких	1,3	0,2	0,04	0,3
Употребление алкоголя для смелости, избавления от страха, тревоги	0,4	0,6	0,14	0,7
Употребления алкоголя для лечения	0,6	0,6	0,009	0,8
Употребление наркотиков (героин)	0,2	0,2	0,000	0,7

Анализ социально-демографических характеристик опрашиваемой молодежи Алтайского края позволил выявить взаимосвязь между высокой степенью суицидального риска и проживанием в городской среде, отрицанием религии.

Негативные оценки своего социально-экономического статуса, крайняя степень неудовлетворенности им, сравнение не в свою поль-

зу с более успешными окружающими людьми с разной степенью интенсивности стимулируют у молодежи аутоагрессивные настроения, усиливают ощущения социальной фрустрации, безнадежности, неуверенности в своем благополучном будущем. При этом отмечается острое несоответствие между высокой потребностью в материальном благополучии и невозможности его реализации законными, приемлемыми в обществе способами. Кроме того, согласно результатам регрессионного анализа, наиболее статистически значимой детерминантой суицидальной активности молодежи, является высокий уровень дифференциации доходов, рост материального расслоения, что, по-видимому, актуализирует острое чувство социальной несправедливости, являющейся сущностной приметой современного мира.

Социально-психологический компонент благополучия жизнедеятельности молодежи, может стать дополнительным условием формирования суицидального риска. Выявлено, что низкая удовлетворенность жизнью в целом, усиление негативного настроения, стимулирующего чувство пессимизма, провоцирует неэффективную «Я-концепцию» и стимулирует антивитаальную направленность молодежи Алтайского края. Кроме того, значимыми детерминантами для молодежи явились аспекты, связанные с ближайшим окружением, например негативные супружеские отношения, проблемы в любовной сфере, что является мощным генератором молодежных самоубийств. Наши данные согласуются с российскими и зарубежными исследованиями в данном контексте [1].

Отсутствие смысла жизни, формирует негативный экзистенциальный фон, который в комплексе с другими значимыми обстоятельствами стимулирует аутоагрессивное поведение молодежи края. Значимым индикатором суицидального риска, является констатация низкой ценности своего здоровья, а значит не соблюдение базовых аспектов ЗОЖ, в том числе его психоэмоциональной составляющей. С этим же связано формирование суицидально риска у той группы молодежи, которая не имеет безусловной ценности своей жизни («Не нужно жить при любых некоторых обстоятельствах»), что может быть отражением максимализма, характерного

для данного возраста и усиливающегося, при некоторых неблагоприятных условиях.

Наиболее многочисленной группой индикаторов, усиливающих у молодежи опасное рискованное суицидальное поведение, явились социальные девиации, что подтверждает распространенность в Алтайском крае аномического типа самоубийств, характеризующегося аномативностью окружающего общества, воспроизводством социальных условий для роста разнообразных девиаций.

Гомосексуализм, разнообразные половые девиации, алкоголизм ближайшего окружения, наркотизм являются значимыми факторами усиления суицидов в крае. Примечательны мотивы употребления молодежью алкоголя: «для смелости, избавления от страха, тревоги», «для лечения», что подтверждает ложную убежденность некоторых групп молодежи в компенсирующей роли психоактивных веществ, а также констатирующие их негативное социальное настроение.

Резюмируя все вышесказанное, необходимо заметить, что в Алтайском крае решающими факторами формирования суицидальной активности, являются уникальные для каждого человека комплексы факторов социально-демографических, экономических, психологических, знание которых необходимо для формирования безопасной социальной среды, способной значительно минимизировать уровень суицидов в регионе.

Именно в связи с этим, результаты подобных мониторингов необходимо учитывать при разработке эффективной социальной политики, направленной на снижение факторов суицидального риска молодежи.

Список литературы

1. Корнетов Н.А. Мультиаспектная модель профилактики суицидов // Тюменский медицинский журнал. 2013. Т. 15, № 1. С. 11–12.
2. Мягков А.Ю. Самоубийства в Ивановской области: анализ временных трендов / А.Ю. Мягков, С.В. Ерофеев // Социологический журнал. 2007. № 2. С. 37–58.
3. Мягков А.Ю. Суицидальное поведение молодежи: масштабы, основные формы и факторы / А.Ю. Мягков, И.В. Журавлева, С.Л. Журавлева // Социологический журнал. 2003. № 1. С. 48–70.

4. Обидина Ю.С. Проблема суицида в современных научных исследованиях и в реальной жизни // Государственное управление: Центр-регион (проблемы экономики, социологии и права): материалы всерос. школы-семинара «Национальные отношения и современная государственность», Йошкар-Ола, 28-29 июня 2000 г. Вып. 2. Йошкар-Ола: Марийский гос. пед. ин-т, 2000. С. 88–93.
5. Федеральная служба государственной статистики. URL: www.gks.ru (дата обращения: 09.08.17).
6. Черепанова М.И. Региональная специфика латентных суицидальных рисков населения Алтайского края // Известия АлтГУ. Серия «философия, социология, культурология». 2011. № 2/2. С.246-248.
7. Социальные риски воспроизводства суицидального поведения в региональном социуме / Максимова С.Г., Черепанова М.И., Эбелинг Э.О. и др. Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2016. 239 с.
8. Fernquist R.M. Societal integration and age-standardized suicide rate developed countries, 1955–1989 / R.M. Fernquist, P. Cutright // Social Science Research. 2008. Vol. 27. № 2, pp. 109–127.

References

1. Kornetov N.A. Mul'tiaspektnaya model' profilaktiki suitsidov [Multiaspect model for preventing suicide]. *Tyumen medical journal*. 2013. Vol. 15, № 1, pp. 11–12.
2. Myagkov A.Yu., Erofeev S.V. Samoubiystva v Ivanovskoy oblasti: analiz vremennykh trendov [Suicides in Ivanovo region: analysis of time trends]. *Sociological journal*. 2007. № 2, pp. 37–58.
3. Myagkov A.Yu., Zhuravleva I.V., Zhuravleva S.L. Suitsidal'noe povedenie molodezhi: masshtaby, osnovnye formy i factory [Youth suicidal behavior: extent, forms and factors]. *Sociological journal*. 2003. № 1, pp. 48–70.
4. Obidina Yu.S. Problema suitsida v sovremennykh nauchnykh issledovaniyakh i v real'noy zhizni [The problem of suicide in modern scientific studies and in real life]. *Gosudarstvennoe upravlenie: Tsentr-region (problemy ekonomiki, sotsiologii i prava): materialy vseros. shkoly-seminara «Natsional'nye otnosheniya i sovremennaya gosudarstvennost'»*,

- Yoshkar-Ola, 28-29 iyunya 2000 g. Вып. 2.* [Public administration: CENTR-region (problems of economics, sociology and law): materials of seminar “National attitudes and the modern state-hood”, Yoshkar-Ola, 28–29 June 2000, Vol. 2]. Yoshkar-Ola: Mari state university, 2000, pp. 88–93.
5. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki* [Federal State Statistics Service]. www.gks.ru (date accessed: 09.08.17).
  6. Cherepanova M.I. Regional'naya spetsifika latentnykh suitsidal'nykh riskov naseleniya Altayskogo kraya [Regional specificity of latent suicidal risk of the population in Altai Region]. *Izvestia ASU. Series "philosophy, sociology, cultural studies"*. 2011. № 2/2, pp. 246–248.
  7. Maksimova S.G., Cherepanova M.I., Ebeling E.O. et al. *Sotsial'nye riski vosпроизводства suitsidal'nogo povedeniya v regional'nom sotsiume* [The social risks of reproduction of suicidal behavior in regional society]. Barnaul: Kolmogorov, I. A., 2016. 239 p.
  8. Fernquist R.M., Cutright P. Societal integration and age-standardized suicide rate developed countries, 1955–1989. *Social Science Research*. 2008. Vol. 27. № 2, pp. 109–127.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Черепанова Мария Ивановна, доцент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий, доктор социологических наук
Алтайский государственный университет
ул. Димитрова, 66, г. Барнаул, Алтайский край, 656002, Российская Федерация
cher_67@mail.ru

Эбелинг Эвелина Олеговна, ст. преподаватель кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий
Алтайский государственный университет
ул. Димитрова, 66, г. Барнаул, Алтайский край, 656002, Российская Федерация
eva-ebeling@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Cherepanova Mariya Ivanovna, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor in the Department of the Psychology of Communications and Psychotechnologies

Altai State University

66, Dimitrova Str., Barnaul, Altai Region, 656002, Russian Federation

cher_67@mail.ru

Ebeling Evelina Olegovna, Senior Lecturer in the Department of the Psychology of Communications and Psychotechnologies

Altai State University

66, Dimitrova Str., Barnaul, Altai Region, 656002, Russian Federation

eva-ebeling@yandex.ru